

УДК 930.2

**ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ТРАКТОВКЕ РОССИЙСКОЙ КРИТИКО-ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ****Т.И. ЛЕОНЧЕНКО***(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)*

Рассмотрена одна из актуальных проблем в современной методологии истории – предмет исторической науки. Проанализирована трактовка данного вопроса в работах ведущих теоретиков «критического позитивизма» в российской историографии. Обозначено проблемное поле исследования, представлен краткий обзор литературы по рассматриваемому вопросу. Проведен сравнительный анализ взглядов российских исследователей на конкретные задачи исторической науки, ее место в системе научного знания, специфику исторического познания, проблемы исторического прогнозирования. Показано, как исследователи подходили к определению понятия закономерности развития человеческого общества и как решали вопрос о соотношении общего и особенного в историческом исследовании. Выявлено, какое значение ученые придавали изучению народных масс и отдельной личности как действующим силам в истории.

Ключевые слова: предмет исторической науки, «критический позитивизм», неокантианство, историческая закономерность, историческое прогнозирование, многофакторный подход.

Введение. Период конца XIX – начала XX вв. ознаменован в российской историографии началом сложных и противоречивых по своему характеру изменений в представлениях о природе, статусе и предмете исторической науки. Для развития гуманитарного знания рассматриваемого периода было характерно сосуществование различных философских учений, предлагавших свое, порой диаметрально противоположное, решение актуальных вопросов в науке. Одним из направлений в историографии того времени стало течение «критических позитивистов».

Группа ученых, попадающих под данное условное обозначение, ставила своей целью формирование «новой истории» на основе синтеза лучших достижений современной им науки в области теории исторического процесса и методологии исследования с новыми выводами в теории познания этого процесса. В результате теоретико-методологического поиска представители «второго позитивизма» в российской историографии внесли существенный вклад в разработку специфики и предмета истории как самостоятельной общественной науки; подняли ряд новых вопросов, присущих изучению исторического прошлого, которые являются актуальными и сегодня.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы определить предмет истории как науки в трактовке ведущих представителей «критического позитивизма» в российской историографии рассматриваемого периода и показать общее и особенное в их подходах к решению данной проблемы. Обращение к указанной теме актуально в силу неразрешенности ряда вопросов по предмету исторической науки в современной историографии. До сих пор нет единого мнения о возможности объективного познания прошлого, соотношении общего и особенного в научном исследовании, роли случайного и необходимого в историческом процессе. Дискуссии и споры научного сообщества рубежа XX – XXI вв. по этим и другим вопросам убеждают в необходимости переосмысления их достижений в области теории и методологии истории.

Развитию российской исторической науки последней трети XIX – начала XX вв. посвящено немало работ советских и современных историков. Так, ведущими авторами, изучающими теоретико-методологические проблемы, кризисные явления и становление нового видения науки в историографии данного периода, стали Б.Г. Могильницкий, Н.Л. Рубинштейн, П.С. Шкуринов, Л.Н. Хмылёв, А.Н. Нечухрин, С.П. Рамазанов, Г.П. Мягков, А.В. Малинов, Т.И. Сидненко и др. Однако постановка предмета исторической науки в трудах представителей «первого» и «второго» позитивизма специально в историографии не изучалась, хотя некоторые авторы в той или иной степени затрагивали данный вопрос в своих работах, посвященных творчеству отдельных ученых.

Основная часть. Историографическая картина в России на рубеже XIX – XX вв. характеризовалась крайней сложностью и неоднородностью взглядов ученых на историческое прошлое и производство знаний о нем. С одной стороны, широкую популярность в России завоевал марксизм, теоретико-методологическим фундаментом которого был «экономический материализм» с присущей ему верой в объективность и строгую научность исторического исследования. С другой стороны, это было время распространения новых веяний в обществоведении, в основе которых лежал релятивистский взгляд на мир, его развитие и производство знаний о нем. В итоге, свое оформление в отечественной историогра-

фии получили течения, подвергшие критике каноны позитивистской науки и выступившие за коренной пересмотр принципов философии истории. Таковыми стали неокантианство и философия жизни.

Многие ученые высказывались против решительного разрыва с ценностями, выработанными научным сообществом второй половины XIX в., но в то же время признавали необходимость реформирования истории как науки в соответствии с запросами времени [1, с. 119]. Последние получили в историографии название «критических позитивистов». Выделяя данное течение в российской историографии, следует сделать оговорку, что под ним понимается не отдельная научная школа, а скорее плеяда крупных исследователей, не вписывающихся по своим взглядам ни в одно из конкретных философских учений. В то же время, несмотря на своеобразие предлагаемых ими концепций, общим для историков было критическое переосмысление установок позитивизма, марксизма и неокантианства с сохранением в своей основе некоторых положений позитивной философии.

Критико-позитивное мировоззрение в большей или меньшей степени разделяли П.Н. Милоков, Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, Н.А. Рожков, В.П. Бузескул, В.М. Хвостов, М.М. Хвостов, Е.В. Тарле, Е.Н. Щепкин, М.И. Ростовцев, А.К. Дживелегов и др. Особенности подходов к определению предмета исторической науки напрямую были связаны с их общими представлениями о месте истории в системе научного знания и специфике ее познания.

В рассматриваемый период не было господствующей классификации наук; каждая научная школа предлагала свой взгляд на их разграничение, а нередко это делали и отдельные ученые. «Критические позитивисты» осуждали предложенную неокантианцами классификацию за ее жесткое противопоставление наук о природе (номотетических) наукам о культуре (идиографическим). В данной классификации история занимала положение чисто описательной науки, предметом которой являются сугубо индивидуальные культурные явления. В результате историческое исследование оказалось лишено признания закономерного развития общества и задачи выявления общих связей явлений, с чем не могли согласиться представители «критического позитивизма». Многие из них сходились во мнении, что науки и об обществе, и о природе одинаково изучают в своем предмете и индивидуальное, и общее, а значит, историческая наука не только может, но и должна выявлять закономерности. Так, Д.М. Петрушевский писал по этому поводу следующее: «Чтобы быть наукой об индивидуальном, историческая наука, как и всякая другая наука, должна быть и наукой об общем, а чтобы быть наукой об общем, она должна быть и наукой об индивидуальном» [2, с. 14]. На примере феодализма в Англии, автор отметил, что нельзя вскрыть индивидуальные особенности его проявления в одной стране, если не знать типических черт и общих тенденций развития этого средневекового явления в Европе в целом.

Таким образом, для «критических позитивистов» неокантианская классификация наук была неприемлема в виду односторонности предмета исторического изучения. Предпочтительнее для данной группы ученых было предложенное основателем позитивизма О. Контом деление наук на абстрактные и конкретные с признанием их тесной связи между собой. Однако и этот вариант в чистом виде не мог быть принят, поскольку история у О. Конта являлась составной частью социологии и вовсе не находила себе места в его классификации. Еще представители «первого» позитивизма в России переосмыслили идеи европейского классика и попытались отстоять научный статус исторической науки, выделив ей место среди других *конкретных* наук. Однако преодолеть подчиненное положение истории перед социологией позитивистам не удалось: основной ее задачей они видели накопление конкретного исторического материала для широких социологических обобщений.

Исходя из вышесказанного «критические позитивисты» стремились расширить задачи исторической науки в сравнении с неокантианством и «первым» позитивизмом за счет изучения повторяемых, типических явлений и установления общих связей между ними. Для этого необходимо было определить отношение истории к социологии. Переработав контовскую классификацию наук, Н.А. Рожков, установил связь истории с социологией следующим образом. История определенного народа у него выступала как наука конкретная, потому что она изучает законы развития данного общества в разные периоды его жизни. Социология, или теория общественной жизни, имела целью исследование общих законов общежития, независимо от какой-либо конкретной обстановки; следовательно, она наука абстрактная [3, с. 2]. Таким образом, ученый требовал освещать историю отдельной страны с социологической точки зрения, что и попытался сделать в одном из своих научных трудов.

Того же требования строго придерживались П.Н. Милоков, Д.М. Петрушевский, В.П. Бузескул, Е.В. Тарле, М.И. Ростовцев, М.М. Хвостов, А.К. Дживелегов. Определяя место истории и социологии в ряду теоретических наук, «критические позитивисты» четко разграничивали их между собой. Конкретная историческая наука изучала факты, приводила их в систему и обобщала, выявляла законы развития конкретного общества. Абстрактная социология имела дело с обобщениями и являлась теорией общественной жизни как таковой. Суть данного положения четко выразил А.К. Дживелегов: «Исторический факт в его конкретной обстановке случается только однажды, но основа этого факта, общая в социологии и истории, явление постоянное» [4, с. 312]. Поэтому главную теоретическую задачу исторической науки

автор сводил к «познанию отношения между индивидуальными и общими элементами исторического процесса, к выяснению специфического характера его закономерности» [4, с. 312]. Не отрицая взаимной связи обеих наук, исследователи все же отводили истории роль фундамента по отношению к социологии: история должна считаться с такими фактами, которыми социология пренебрегает, потому что для нее важен только конечный результат, остающийся всегда неизменным [4, с. 311].

Дальше других ученых в своих рассуждениях зашел Р.Ю. Виппер. Распространяя социологическую точку зрения на историю, методолог подверг сомнению возможность разделения абстрактного и конкретного методов познания, считая, что мысль историка движется среди обоих тесно взаимосвязанных методов: исследователь изучает, описывает отдельные факты и устанавливает общие связи между ними. Если нельзя провести границу в применении абстрактных идей и реальных описаний, то, по мнению автора, «едва ли есть необходимость различать две особые науки: абстрактную социологию и конкретную, собственно историю. Если смысл социологии заключается в постановке общих задач, то из них трудно или невозможно образовать особую область научного видения, потому что общие задачи не выделены из всей совокупности работы над историческим материалом» [5, с. 47]. Больше других Р.Ю. Виппер был склонен к отрицанию самостоятельного значения социологии в научном знании.

Идеи неокантианства и особенно психология В. Вундта более всего повлияли на взгляды Е.Н. Щепкина и В.М. Хвостова. Последний отстаивал научность знания индивидуального, ввиду чего высоко оценивал заслуги Г. Риккерта [6, с. 105]. Трактовка предмета исторической науки в трудах русского методолога была построена на признании особенного как исключительного предмета этой науки и притом не в смысле инвентаризирования индивидуального, наличного в каждый данный момент, а в смысле изучения последовательной смены неповторяющихся событий в социальной жизни людей.

Однако в концепции В.М. Хвостова обнаруживается сходство не только с неокантианцами. Вслед за отечественными историками «первого» позитивизма, исследователь под предметом истории понимал не какие-нибудь типические, закономерные процессы, а «отдельные события и состояния во всей их конкретности» [6, с. 4], а задачей социологии считал выявление общих законов жизни общества, построение широких обобщений на основе данных, накопленных историей [7, с. 14]. Следовательно, в отличие от неокантианцев, ученый не отрицал наличие закономерностей в историческом процессе. Дело в том, что их поиском должна заниматься социология, а не историческая наука. Правда, сама социология у В.М. Хвостова, ее предмет, понятие закономерности были пропитаны психологизмом немецкой философии. Социальные законы он объявлял тождественными законам социальной психики [6, с. 81]. Трактовать исторический процесс как процесс психический был склонен и Е.Н. Щепкин, т. е. в основе социальных, экономических и других явлений он находил законы психологии, поэтому причинность событий, по его мнению, следовало объяснять через характер и мотивы действий отдельных лиц [1, с. 194].

Таким образом, представители «второго» позитивизма в России заявляли о том, что в реальной действительности все развивается не хаотично, а по своим внутренним закономерностям и считали (здесь следует исключить В.М. Хвостова и Е.Н. Щепкина), что историк может и должен их выявлять. «История всегда была в ранге науки, признававшей и наблюдавшей закономерность» – писал Р.Ю. Виппер [5, с. 14]. По утверждению Д.М. Петрушевского, историческую науку сырой конкретный материал интересует для выяснения того общего и постоянного, что под ним скрывается [2, с. 13]. О том, что историк в своем исследовании должен стремиться к уяснению закономерности исторического процесса, писали П.Н. Милюков [8, с. 5], М.И. Ростовцев [1, с. 199] и Е.В. Тарле [9, с. 2]. Однако, не сомневаясь в самом факте существования повторяемости, «критические позитивисты» не надеялись на их полное и достоверное познание и тем более отрицали возможность открытия таких законов, при помощи которых можно было бы предвидеть будущие события.

В этом отношении П.Н. Милюков высказывался: «Признать историческую закономерность несравненно легче, чем открыть законы истории», но даже, если нам не суждено выявить ни одного закона, мы все-таки должны предполагать их существование [8, с. 8]. Этот пессимизм был вполне обоснованно связан, во-первых, со сложностью исторических явлений как таковых, а во-вторых, с относительностью наших знаний о мире. Что касается первого обстоятельства, то опять же П.Н. Милюков признавал, что сочетания элементов при бесконечной сложности явлений будут бесконечно разнообразны и что искать закономерности нужно сначала в действии отдельных элементов, а потом уже в их сочетаниях. Проблема заключается в том, что первоначально мы имеем явление как сложный социологический итог, и главная задача историка – разложить его на отдельные простые элементы вплоть до их психологической, физиологической природы [8, с. 10].

Что касается относительности наших знаний, то этот вопрос специально разрабатывался Р.Ю. Виппером, а некоторые его взгляды на проблемы познания разделяли и другие исследователи. С одной стороны, Р.Ю. Виппер, будучи сторонником сравнительно-исторического подхода, признавал действие определенных закономерностей развития общества, которые историк может и должен выявлять путем сравнения однородных явлений. С другой стороны, он различал реальную действительность и ее

научное познание. Поставив задачу обоснования специфики истории как науки, Р.Ю. Виппер связал вопросы ее гносеологии с психологией исторического творчества исследователя. Исходя из этого, профессор трактовал историческую закономерность *в научном исследовании* как психологический конструкт организации мыслительной деятельности историка, как «факт науки», а не действительности, который, наряду с другими категориями, необходим для привнесения смысла в исторический материал. Р.Ю. Виппер назвал эти категории «умственными разрезами» истории [10, с. 143].

Другие теоретики также считали, что реально протекающий исторический процесс существует отдельно от наших представлений о нем. Говоря об общих понятиях исторической науки, Д.М. Петрушевский отмечал, что если применять к некоторым из них слово закон, «то ясно, что не может быть речи об исторических законах, что можно говорить лишь о законах социологических» [2, с. 18]. П.Н. Милоков призывал не забывать о том, что построить дедуктивным путем известную закономерную последовательность социального развития еще не значит объяснить вполне историческую реальность [8, с. 11]. Однако Р.Ю. Виппер в своих рассуждениях об относительности наших знаний, о влиянии современности на историка заходил настолько далеко, что вообще отвергал возможность объективного познания действительности. Конечно, его крайние релятивистские выводы встретили критику среди коллег. Все они соглашались с тем, что современные проблемы влияют на выбор темы исследования, привносят субъективные оценки в интерпретацию прошлого, но историк должен стремиться к объективности, опираясь на научный методологический арсенал. В.П. Бузескул подчеркивал, что главной целью исторической науки является отыскание истины, и если, стремясь к полной объективности, историк может обезличивать событие и излишне преклоняться перед фактом, то соединение истории и политики может привести к крайней субъективности, к извращению и подтасовке фактов, что несет в себе опасность для науки [11, с. 223]. Однако вопрос о том, каким образом в изучении прошлого уклониться от этих двух крайностей, остался открытым.

Защитником объективности исторического познания (не без влияния марксистских идей) позиционировал себя Н.А. Рожков. Несмотря на признание того, что действительность и наши представления о ней – это две разные вещи, в виду чего исторические понятия и категории изменчивы, ученый был убежден в возможности научного познания общества. Поэтому он выступал против морализирования истории в любой форме, против подбора фактов в целях «практической потребности минуты», т. е. в борьбе интересов, партий, настроений и т. п. Исчерпывающего объяснения данному противоречию в своих взглядах историк не давал. Более того, Н.А. Рожков верил в возможность научного предвидения. Конечно, он признавал, что наши знания о законах настолько ограничены, что предвидеть будущее во всех подробностях, тем более отдаленное, мы не в состоянии, однако исследователь выражал уверенность, что с развитием общественнознания и социальные предсказания постепенно достигнут большей точности [12, с. 16].

Как уже отмечалось выше, другие представители «критического позитивизма» полностью отказывались от прогнозирования последующих событий. Предметом исторической науки является конкретное прошлое, и историк, наблюдая определенные сходства и повторения, должен признавать, что выявленные им закономерности общественного развития относятся только к произошедшим событиям, а к будущим никакого отношения не имеют. Даже социология, по В.М. Хвостову, в состоянии вывести только отдельные общие закономерности, протекающие в обществе, но так как они представляют собой отдельные ряды и имеют свойство пересекаться между собой, то в точке их пересечения и происходят события, которые мы называем случайными. Естественно, случай в истории также имеет свою причину, но ввиду того, что знание наше ограничено и относительно, мы никогда не разгадаем причины пересечения причинных рядов. Случай, по мнению методолога, есть «результат неполноты наших знаний» и из истории он неустраим [6, с. 334].

Повторения явлений, о которых писал Р.Ю. Виппер, также всегда есть относительные повторения: они заключают совпадение очень многих, но не всех, составных признаков [5, с. 58]. Цепи явлений, считал профессор, могут быть сравнимы, но они не совпадают между собой, а потому степень наших заключений не имеет полной точности. Кроме того, везде, где процесс или ряд явлений не закончен, в силу его индивидуальности предвидение обставлено множеством ограничений [5, с. 56], а значит, по причинам нельзя безошибочно предсказать следствие, пока оно не наступило. Похожей точки зрения на повторения в истории придерживался Е.Н. Щепкин, ввиду чего также сомневался в прогностических возможностях исторической науки [1, с. 187].

Содержание предмета истории как науки «критические позитивисты» рассматривали весьма широко. В этом отношении исследователи продолжили традицию отечественной позитивистской историографии. Методологическим инструментом в анализе и объяснении исторического материала все также выступал многофакторный подход, исходя из которого, историк должен изучать развитие общества во всем его многообразии. Все факторы признавались равноценными в своем воздействии на исторический процесс, ни один из них не считался определяющим. Однако, отрицая экономический детерминизм, некоторые историки соглашались, что изучение жизни общества удобнее начинать с социально-экономических от-

ношений. Наибольшее внимание материальным аспектам уделяли П.Н. Миллюков и Н.А. Рожков, и, наоборот, основное значение отдавали психической стороне жизни Е.Н. Щепкин и В.М. Хвостов.

Кроме того, общей тенденцией исторической науки рассматриваемого периода, как заметил В.П. Бузескул, стало стремление изучать историю народной массы, а не только «великих людей», обращать больше внимание на «состояния», чем на «события» [11, с. 14; 12, с. 166]. Представители «второго» позитивизма продолжили раскрывать историю больших и малых социальных групп. Народ рассматривался как деятель истории, как активная сила, движущая историю по закономерному, необходимому пути развития. С элементом случайного традиционно связывалось значение действий отдельной личности, ее сознательное и непредсказуемое влияние на ход событий. Историки считали, что вокруг все развивается закономерно, поэтому любой поступок человека определяется внешними влияниями, а не его сознательным выбором. Следовательно, личную деятельность наука должна подвергнуть такому же закономерному объяснению. А.К. Дживелегов писал: «Личность интересна лишь как типичный представитель или как продукт общества» [4, с. 311]. В то же время исследователь отмечал, что было бы ошибкой совершенно устранять личные характеристики из работы историка, даже несмотря на то, что под влиянием действий великих людей жизнь общества не может ни остановиться, ни утратить раз принятого направления. Данную точку зрения разделяли П.Н. Миллюков, Д.М. Петрушевский, М.И. Ростовцев и др.

Полностью отрицал какую бы то ни было роль личности в истории Н.А. Рожков, отчего и считал, что «история лиц» не является самостоятельным предметом изучения [12, с. 170]. Исключить волевую единицу, творца, из объяснения связи явлений пытался Р.Ю. Виппер [10, с. 278]. В отличие от указанных выше авторов выдающуюся роль великой личности признавал Е.Н. Щепкин. В.М. Хвостов также видел в личностном факторе главный источник творческого движения вперед, однако отмечал, что деятельность отдельно взятого человека становится предметом изучения историка только в той мере, в какой он принимает участие в жизни человеческого общества, т. е. историк изучает «события социального характера» [6, с. 4]. Так или иначе, рассматриваемая группа ученых признавала, что любое действие каждого отдельного субъекта имеет свою причину и может быть объяснено.

Заключение. На основе всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы, касающиеся предмета истории как науки в трактовке российских «критических позитивистов». Конечно, взгляды исследователей не были тождественны, каждый ученый предлагал свое оригинальное видение той или иной проблемы. Однако, несмотря на неоднородность научных убеждений историков, можно выделить некоторые общие черты их подходов к теоретическим вопросам истории. Во-первых, представители «второго» позитивизма стремились отстоять единство научного знания, не отрицая специфики общественных и естественных наук. Исходя из того, что нет такой науки, которая занималась бы изучением только единичных предметов, или, наоборот, установлением только общих связей, ученые предложили иной взгляд на соотношение общего и особенного в историческом исследовании. Обе эти категории они включили в предметное содержание истории, что не было характерно для «первого» позитивизма и неокантианства. В итоге, критические позитивисты, последовательно отстаивая роль общих понятий в научном арсенале историков, расширили задачи исторической науки за счет поиска причин и закономерностей общественных явлений.

Во-вторых, исследователи отмечали, что закономерности развития того или иного народа в их конкретной форме никогда не воспроизводятся с совершенной точностью дважды, а значит, исторический процесс в своих общечеловеческих масштабах вполне индивидуален, он имеет место быть лишь раз. Следовательно, общая историческая причинность в методологических концепциях указанных авторов была представлена как феноменологическая по своему характеру, поэтому ученые уверенно заявляли, что предвидение отдаленных событий невозможно ни средствами исторической науки, ни усилиями социологии.

В-третьих, «критические позитивисты» признавали объективное действие определенных закономерностей только на уровне исторического процесса. Что касается *научного* исследования этого процесса, то все категории, в том числе и понятия закономерности, факторов, социальных институтов и другие объявлялись существующими только в нашем сознании и необходимыми для объяснения разрозненных исторических явлений. Положение об относительном характере наших знаний о мире внесло изменения в представления историков о возможности объективного истолкования прошлого.

В-четвертых, меньше всего отрыв от базовых установок позитивизма в трудах обозначенной группы исследователей чувствовался в подходе к содержанию предмета истории. Как и прежде, исторический процесс рассматривался с точки зрения плюрализма факторов, основное внимание уделялось не столько отдельным личностям, сколько народным массам, а актуальным направлением в выборе тематики для конкретно-исторических исследований оставалась социально-экономическая история.

Таким образом, ведущие теоретики российской критико-позитивистской историографии четко различали предмет истории как самостоятельной науки и отводили ей свое место в ряду других теоретических наук. Ученые внесли существенный вклад в разработку теоретико-методологических проблем

исторической науки, несмотря на то что их взгляды по определенным вопросам не совпадали. Переосмыслив положения классического позитивизма с учетом новых идей и требований, предъявляемых науке, исследователи представили более современный взгляд на природу и специфику исторического знания, благодаря чему предвосхитили последующее развитие исторической мысли. Все это позволяет сделать вывод о высокой научной значимости и актуальности вклада ведущих представителей «критического позитивизма» для современной теории и методологии истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нечухрин, А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в.–1917 г.): моногр. / А.Н. Нечухрин. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 349 с.
2. Петрушевский, Д.М. К вопросу о логическом стиле исторической науки: Отдельный оттиск из «Известий Политехнического института императора Петра Великого» / Д.М. Петрушевский. – Пг. : Тип. Р.Г. Шредера, 1915. – Т. 24. – 21 с.
3. Рожков, Н.А. Обзор русской истории с социологической точки зрения / Н.А. Рожков. – М. : Издание И. Шамова, 1905. – Ч. 1. Киевская Русь (с VI до конца XII века). – 172 с.
4. Дживелегов, А.К. История / А.К. Дживелегов // Энциклопедический словарь Товарищества братьев А. и И. Гранат. – Изд. 7-е. – М., 1935. – Т. 22. – С. 282–319.
5. Вишпер, Р.Ю. Очерки теории исторического познания / Р.Ю. Вишпер. – М. : Типолиг. Товарищества И.Н. Кушнерев, 1911. – 284 с.
6. Хвостов, В.М. Теория исторического процесса: очерки по философии и методологии истории : курс лекций / В.М. Хвостов. – Изд. 3-е (испр. и доп.). – М. : Моск. науч. изд. при Моск. науч. ин-те, 1919. – 392 с.
7. Хвостов, В.М. Социология. Введение / В.М. Хвостов. – М. : Изд. Моск. науч. ин-та, 1917. – Ч. 1: Исторический очерк учений об обществе. – 341 с.
8. Миллюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры. / П.Н. Миллюков. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1896. – Часть первая: Население, экономический, государственный и сословный строй. – 223 с.
9. Тарле, Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе : ист. очерки Е.В. Тарле / Е.В. Тарле. – СПб ; М. : Изд. Товарищества М.А. Вольф, 1907. – Ч. 1. – 208 с.
10. Вишпер, Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки : сб. ст. и публичных лекций. 1900 – 1912 / Р.Ю. Вишпер. – М. : Типолиг. Товарищества И.Н. Кушнерев, 1912. – 321 с.
11. Бузескул, В.П. Исторические этюды / В.П. Бузескул. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. – VI, 406 с.
12. Рожков, Н.А. Исторические и социологические очерки : сб. ст. : в 2 ч. / Н.А. Рожков. – М. : Изд. И. Шамова, 1906. – Ч. 1. – 260 с.

Поступила 26.10.2017

THE SUBJECT OF HISTORICAL SCIENCE IN THE INTERPRETATION OF CRITICAL AND POSITIVIST HISTORIOGRAPHY

T. LEONCHENKO

The article is devoted to one of the most urgent problems in the modern methodology of the history – the subject of historical science. The author analyzes the interpretation of this issue in the works of leading theoreticians of «critical positivism» in Russian historiography. In the introduction, given the problem field of research, a brief review of the literature on the subject. In the main part, the author conducted a comparative analysis of the views of Russian researchers on specific tasks of historical science, its place in the system of scientific knowledge, the specifics of historical knowledge, the problems of historical prediction. It is shown how the researchers approached the explanation of the laws of the development of human society and how they solved the question of the relationship between the general and the individual in historical research. Also revealed what significance scientists gave the study masses and the individual as the current forces in history

Keywords: *subject of history, "critical positivism", neo-Kantianism, historical pattern, historical forecasting, multivariate approach.*